

7. Собчик Л.Н. Диагностика межличностных отношений. – М., 1990.
8. Хорни К. Невроз и развитие личности: Собр. соч. в 3 т. – Т. 3. – М., 1997.
9. Balint M., Balint E. Psychotherapeutic Techniques in Medicine. London: Tavistock Publications, 1959.
10. George R.L., Cristiani T.S. Counseling: Theory and Practice. Ed. Englewood Cliffs – N.J.: Prentice-Hall, 1990.
11. Skinner B.F. Beyond freedom and dignity. – N.Y.: Knopf, 1971.
12. Speech K.R. The Gurdjieff work. – Los Angeles, 1989.
13. Wolberg L.R. The Technique of Psychotherapy. – N.Y.: Grune and Stratton, 1954.

С.Н. Жеребцов

КОЕ-ЧТО О СОИЗМЕНЕНИИ ПРИРОДЕ ПСИХИКИ

*Человек живет не только в физическом,
но и в символическом универсуме.*

Э. Кассирер

Часто поводом для изменения убеждений служат какие-то случайные события, заставляющие нас посмотреть на то, в чем, казалось бы, было уверенность "на все сто". Наши теоретические представления, по-видимому, имеют свойство изменяться не только в результате прочтения научных текстов или участия в научных конференциях, семинарах, встречах с коллегами. Достаточно серьезные изменения в моих представлениях о природе и сущности психического начали происходить тогда, когда читал лекцию студентам-заочникам. Они – люди грамотные (получают второе высшее образование), и мне хотелось взаимодействовать с ними в форме диалога. Один из вопросов лекции был о психоаналитическом направлении в психологии. Завершая его рассмотрение, в качестве иллюстрации я привел фразу Дж. Уотсона о том, что, манипулируя внешними стимулами, можно "изготовить" человека с любыми психологическими параметрами. После этого я обратился к аудитории с вопросом: "А что вы думаете по этому поводу?" Рассчитывая услышать немало критических высказываний в адрес идеи

М., 1990.

– Т. 3. –

icine. –

stice. Ed.

, 1971.

igune and

еребцов

ческом,

Кассирер

о случай-

эм. каза-

дставле-

зультате

циях, се-

енения в

али про-

юди гра-

сь взаи-

в лекции

его рас-

отсона о

вить" че-

ого я об-

поводу?"

цес и

уважаемого классика, я был озадачен: студенты целиком и полностью его поддержали. "Конечно, - сказал один из них, - не стоит понимать эти внешние стимулы как какие-то внешние "фокусы". Но если выстроить продуманную систему воздействий, чтобы все эти стимулы составили особый образ жизни, то можно действительно готовить человека любого склада". По-видимому, этот студент имел в виду, что в глазах одноклассников, поскольку, когда я поинтересовался их мнением, они были солидарны с ним. Не соглашаясь с "психологически неграмотными" студентами, я лишь промолвил: "Может быть, и так...". И, посчитав дальнейшую дискуссию неуместной, продолжил лекцию. Но "очаг возбуждения", "установка", "особое отношение" к этой теме у меня были сформированы. По прошествии времени, когда я завершил работу над параграфом диссертации, понял - общая линия, главная идея почти целиком формулируется в терминах моего студента: образ жизни, культурная и социальная среда определяют ценностные ориентации личности. Конечно, ценностные ориентации - это еще не вся личность. Но они определяют не только то, чего хочет человек, к чему он стремится, но во многом и его поведение, и его переживания. Получается, что наша психическая жизнь (ее содержание) определяется... "внешними стимулами", как говорил Дж. Уотсон.

Я всерьез задумался. Неужели, как сказал Льюис Мамфорд, "то, что когда-то было названо объективным миром, похоже на чернильное пятно Роршаха, в котором каждая культура, каждая религиозная или научная система... находят смысл, лишь отдаленно связанный с формой и цветом самого пятна?" [Цит. по: 4, 106].

Получается, что когда я говорю "я хочу...", это как бы не вполне я хочу, а просто того принято хотеть. Это результат своеобразного внушения, которое постоянно осуществляется культурой, той средой, в которой я живу. Да, действительно, человек свободен в выборе ценностей и смыслов своей жизни. Но ведь выбирает-то он из вполне определенного перечня, того, что в состоянии предложить его окружение. Отдельный человек может пользоваться лишь теми ценностями, которыми обладают в его обществе. Как это следует из теории Л.С. Выготского, высшие психические функции индивидуальны лишь постольку, поскольку индивидуальное сознание отражает общественное. Но при этом сознательно в каких-то жизненных ситуациях мы можем высокомерно заявлять: "Это исключительно мое решение!", "Я хочу быть

летчиком – это мой выбор", "Я хочу быть честным – это мое стремление", "Я считаю, что здоровье – самое главное". (Вспоминается басня "Слон и Моська".)

До недавнего времени я тоже был в этом уверен. Окончательно эту уверенность расшатал следующий фрагмент из статьи Дж. Нидли-на.

"Несколько лет назад, когда я председательствовал на семинаре психиатров и клиницистов..., обсуждали вопрос о применении гипноза в терапии. Дискуссия пришла к некоторому пункту: один из участников начал говорить в такой манере, которая привлекла всеобщее внимание. Это был психоаналитик, старейший и наиболее уважаемый член группы.

"Только раз в жизни, – сказал он, – я применил гипноз для лечения одного пациента; это случилось во время первой мировой войны, когда я служил в швейцарской армии. Прежде мною оказался этот бедный солдат; и вот по какой-то причине решил испытать его восприимчивость к постгипнотическому внушению. Я легко привел его в состояние транса и, просто в виде опыта, внушил ему, что после пробуждения он должен будет сделать три шага на месте всякий раз, когда я щелкну пальцами. Все получилось вполне стандартную процедуру. Я вывел его из транса, мы немного поговорили, а затем я отпустил его; и вот как раз в тот момент, когда он выходил из комнаты, я щелкнул пальцами. Он немедленно прореагировал и зашагал на месте в соответствии с внушением. Минутку! – крикнул я. – Скажите, почему вы шагали на месте?" Его лицо неожиданно покрылось густым румянцем. "Черт побери, – ответил он. – Что-то попало в башмак!"

Говоривший медленно попыхивал трубкой, его лицо стало чрезвычайно серьезным. Мы все не могли понять, почему он придает такое большое значение этому хорошо известному явлению постгипнотической структуры (...). И вот его лицо внезапно стало открытым, как у ребенка, он взглянул на меня и спросил: "Не кажется ли вам, что вся наша психическая жизнь напоминает этот случай? (...) Не думаете ли вы, что любое сделанное нами движение, любое сказанное слово, любая мысль похожи на этот случай? Не может ли быть так, что мы всегда сплетаем что-то в состоянии своеобразной постгипнотической дремы низшего уровня?" [3, 23-24].

Эта достаточно объемная цитата напрямую подводит к мысли о зомбированности человеческой личности. Наша зомбированность -

вещь реальная. Кто-то больше, кто-то меньше, но все мы зомби. (А может быть мы все одинаково - полностью?) Наверное, Homo sapiens совсем даже не sapiens. Реальность этого может быть подтверждена еще и широко известными факторами.

Язык. Передача общественного опыта происходит посредством символов -- преимущественно посредством слов. Определенные речевые клише -- это "обертка" наших переживаний "согласно", которые мы наполняем чувствами и смыслом. Известно, что слова никогда не в состоянии полностью передать тот смысл, который человек желает передать. И очевидно, что со временем переживания становятся такими, какова речевая структура, они "подгоняются" под нее. У каждого из нас есть не очень обширный словесный арсенал передачи чувств. Постепенно, начиная с того момента, как человек произнес свое первое слово, чувства, восприятия "подгоняются" под эти речевые структуры. Реальность становится таковой, какова языковая структура. Понятно, что если человек воспитывается в богатой языковой среде, у него больше средств адекватно выразить то, как мы увидели, и богаче пережить какое-то событие, но эти средства все же ограничены.

Жизненные выборы. Начиная от незначительных ситуаций выбора (выбор пищи, музыки, книг, радиополны), которые делаются на протяжении всего жизненного пути, заканчивая наиболее значительными выборами своей профессии, супруги(а)), человек отдает предпочтение какому-то варианту благодаря уже сформированной (читай -- "уже внушенной") системе ценностей. Так, Р. Скиннер, психоаналитически ориентированный терапевт относительно выбора спутника жизни считает, что люди следуют из-за схожести семей, в которых они выросли: "Все кто женится, все кто выходит замуж, стремясь прочь из семей, все равно остаются в брак свои семьи..." [5, 15]. "Дело в том, -- продолжает доктор Скиннер, -- что каждая семья по-своему обходится с эмоциями. В каждой одни считаются "хорошими", другие "плохими". "Хорошие" эмоции будут выражаться свободно, от "плохих" же все будут воздерживаться по мере сил. Или вообще эмоции в семье окажутся под запретом, а может, наоборот, будут совершенно неконтролируемыми. В результате у каждой семьи вырабатывается набор эмоциональных реакций, которыми привыкают пользоваться все члены этой семьи" [5, 20]. Семья, это общество в миниатюре, формирует, почти в буквальном смысле "ваяет" личность своего ребенка с совершенно конкретными параметрами. Но вот

беда, родители-то не осознают, как они влияют на эту личность. Они просто - чуть не написал "слепоты" - воспроизводят известные им особенности родительского поведения. У воспитанника определенный "комплекс" эмоциональных переживаний с течением времени проявляется и в осанке и в выражении лица, во всех свойственных человеку жестах, позах. Этим, позами, выражением лица и телодвижениями мы "сигнализируем" о привычных нам эмоциональных реакциях, которые приняты в нашей семье. А люди из похожих семей "ловят" эти сигналы и отвечают на них. Нам вместе хорошо, есть взаимопонимание. И - вот он, бранный союз. Вот он - "сознательный" выбор. Наверное, мы любим считать себя причиной того, чему являемся лишь следствием.

Конфликт поколений. Семья хоть и является мощным орудием зомбирования, но все же не единственным. Как отмечает Дж.Э. Дэвис, "каждый данный человек может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанной напрямую с ним, опосредованно и косвенно - со всем миром" [1, 62]. Безусловно люди подвержены всем социально-культурным воздействиям того времени, в котором живут. Природа человека является продуктом общественной истории и его сознание в значительной степени определяется теми конкретными особенностями макро- и микросреды, в которой он сформировался. Общество, благодаря создающемуся единому информационному пространству, развивается все быстрее и быстрее. Поэтому социализация - это не просто репродуктивный процесс, в котором жизненный опыт и ценности передаются от поколения к поколению, как эстафета. В процессе социализации ребенок, подросток, юноша усваивает сегодняшние наличные достижения (как впрочем и издержки) развития общества. Общась с одним 14-летним подростком на консультации, которого привела мать как "очень проблемного", я задал вопрос: "Чего ты больше всего хочешь от жизни?" Он ответил: "Тачку, телку и капусту побольше!" Вряд ли кто-либо из сегодняшних отцов ответил бы так же, когда и ему такой вопрос задали бы в его подростковую пору. А взрослым и детям, чтобы хоть как-то взаимодействовать друг с другом, необходимо согласовывать свои реальности. Мне кажется, что мы не столько "родом из детства", сколько мы "дети своего времени". Люди, которые живут в одно время, но сильно различаются по возрасту, все же очень разные.

СМИ и реклама. Пожалуй, наиболее явно механизм "зомбирования" обнаруживает себя в рекламе. Вполне очевидно, что ее функция

закljučается не только в информировании потребителя о каком-то товаре и его качествах. Реклама сделалась орудием убеждения потенциальных покупателей в том, чтобы купили именно данный товар. Но и на этом производители и рекламодатели не останавливаются. Они внушают человеку, что без какой-то вещи он просто не может быть счастливым. Это целая идеология! Иногда создается такое ощущение, что рекламодатели – это просто цирковые артисты, которые жонглируют ценностными ориентациями народа, как мячами. После этого, реклама может создавать потребности (речь не идет о витальных потребностях), т.е. она может заставлять потребителя желать то, что произведено. Точнее говоря, она пользуется уязвимостью, слабостью людей. Современный человек фрустрирован настолько, что для рекламодателя не составляет особого труда «помочь» ему избавиться наконец-то от страданий. "Купи это – и будешь счастлив!" – вот смысл любого рекламного сообщения. Мы перестаем быть особенными, когда попадаемся на крючок хотя бы одного из сотен приемов эксплуатации человеческого простодушия.

Иллюстраций того, как социальное становится частью нас самих, можно приводить еще много. Вот даже наши переживания обусловлены процессом социализации. Существуют же стыд, чувство вины, чувство неполноценности, гордости, т.е. социальные феномены. Хотя, казалось бы, переживание «самая интимная» категория в психологии – не может иметь корней вне социума.

Большинство форм поведения человека можно рассматривать как результат более или менее успешных присвоений, осуществляемых в процессе интериоризации нормативных требований общества, значимых ценностей, ролей и т.д. Тревогу вызывает то обстоятельство, что уже при нынешнем уровне развития психологии данный процесс является легко регулируемым, надо всего лишь соблюсти некоторые условия. Немецкий философ Кассирер пишет: "Двадцатому веку, нашей великой технологической эпохе, было предназначено развивать новую технику мифа. Отныне можно сфабриковать миф с таким же успехом и таким же образом, как любое современное оружие – пулеметы или самолеты. В этом состоит нечто новое и принципиально важное" [цит. по: 2, 158]. Но случайным образом, т.е. исторически, эти условия в реальной нашей жизни уже созданы (влияния семьи и разных воспитателей, государственной идеологии, рекламы, искус-

ства, религии). Человеческая личность оказывается продуктом этих внушений. Трагедия, ирония в том, что сам процесс внушения оказывается скрытым от нашего сознания, как, например, в вышеприведенной цитате с солдатом, который говорил, что это просто камушек попал в ботинок. Загипнотизированный человек не подозревать вовсе, что побуждение исходит от гипно-изера. Но как человеку все же приятно осознавать, что он наделен свободной волей! "Род человеческий, – писал английский поэт Т. Элиот, – не может вынести большой доли реализма" [Цит. по: 2, 58].

Эта проблема меня действительно серьезно занимала, даже вызвала какое-то беспокойство, нарушала целостность моего самосознания: кто же я на самом деле? Где кончается общество и начинается моя личность? (Поймал себя на мысли, что на протяжении того времени, пока писал эту часть статьи, я просто пытаюсь убежать от себя.)

Все, что изложено выше, является несомненным преувеличением. Наверное, любое мало-мальское теоретизирование – это и есть некоторая гиперболизация действительности. Но преувеличивал и слишком многое оставлял я за скобками намеренно, чтобы проблему показать более явно. Ведь на самом деле механизм интериоризации – это не просто "внешнее во внутреннее" (Л.С. Выготский), это еще и "внешнее через внутреннее" (С.Л. Рубинштейн). Сам Выготский, которого "подкорректировал" Рубинштейн, разделял сознание на бытийное и рефлексивное. Конечно, человек – не просто накопитель доктрин, продуцируемых обществом. Человек способен быть индивидуальностью. С этой его способностью можно написать еще более убедительную статью. Я также понимаю, что в человеке есть общие свойства (то, чем он похож на всех), есть частные свойства (то, чем он похож на некоторых) и если ни на кого больше не похожая индивидуальность. На организмическом индивидуальность задается природой, на психологическом, духовном человек должен сотворить ее. Психологическая индивидуальность и творчество человека – две стороны одной медали. Их наличие – лучшая гарантия здоровой, свободной, активной и богатой психологической жизни.

Скорее всего, развитие индивидуальности неразрывно связано с формированием самосознания и, естественно, с развитием рефлексии – именно поэтому жертвами зомбирования чаще всего оказываются дети.

Начиная с юношеского возраста ценности становятся достоянием личности не посредством механизмов заражения и подражания, как это происходит в детстве, а через рефлексивную деятельность сознающего субъекта. Процесс активизации рефлексивной деятельности и перестройки самосознания и, следовательно, изменения системы ценностных ориентаций связан со свершением значимого события, когда в какой-то момент для индивида становится очевидной невозможность дальше жить привычным способом. Такой момент, который значимое событие может произойти, подготавливается самим ходом развития личности и происходит при наиболее благоприятных для его свершения обстоятельствах. В этом смысле такое событие одновременно и закономерное, и случайное. Оно выступает в качестве ситуации *самопределения* личности.

Различные события жизни человека могут начинаться от вполне благоприятных для человека и кончаться самыми драматичными или травмирующими, можно рассматривать как своеобразные задачи, с которыми нужно справиться, чтобы успешно удовлетворять все усложняющиеся потребности. И в этой связи любые изменения в жизни человека являются своеобразным материалом для построения, сотворения личностью самой себя и среды своего развития. Начиная с юности человек не является просто продуктом окружения. Скорее всего, окружение – продукт человека. Игра в одни ворота заканчивается. Доминировавшая до недавнего времени интериоризация дополняется процессом экстериоризации. Творческая индивидуальность плодотворна в генерировании новых ценностей и смыслов. Рефлексирующее существо внезапно становится способным развиваться в новой сфере. В действительности это возникновение нового мира.

Интересное совпадение: пока я сидел и думал, как закончить статью, по радио звучала песня Никольского, в которой были слова:

А может быть разбить окно,
И окунуться в мир иной,
Где, солнечный рисуя свет,
Живет художник и поэт?

Литература

1. Дэвис Д.Э. Социология установки // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972.

2. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

3. Нидлмэн Дж. Психиатрия и священное // Психотерапия и духовные практики: Подход Запада и Востока к лечебному процессу. - Мн.: Вида-Н, 1998.

4. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб.: Изд-во "Питер", 2000.

5. Скиннер Р., Клииз Д. Семья и как в ней уцелеть / Пер. с англ. Н.М. Падалко. - М.: Независимая фирма "Класс", 1998.

С.С. Марин

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ПОСЛЕДСТВИЯ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Среди большинства людей бытует мнение, что многое, если практически не все, уже давно изобретено и открыто. Ученые лишь вновь переоткрывают забытое. Существует известное всем выражение, что новое – это хорошо забытое старое. Старое – это, по сути, источник всего нового. Второй аспект, близкий к первому, касается человеческого опыта, опыта всей цивилизации, точнее, если переходить на психологический язык, архетипизации в обществе тех или иных архетипов. С одной стороны, благодаря концепту "архетип" приоткрывается занавес над механизмами коллективного и индивидуального сознания. С другой – этот концепт заставляет более пристально всматриваться в историческую реальность, следовательно, можно сказать, в архетипическое наследие нашей цивилизации.

В качестве цели данного процесса может выступать селекция и анализ тех конкретных культурных форм закрепления человеческого опыта, которые помогают лучше понять проблемы настоящего.

В истории психологии уже создано довольно много прецедентов использования мифов в качестве экранов для проекций соответствующих им феноменов психологической теории и практики: миф об Эдиповом комплексе, миф о Нарциссе и нарциссизм, миф о царь-рыбаке и психоаналитический подход к мужской психологии и т.д. Это вовсе не попытка "умножить" количество человеческих комплексов, а